

ют скрывать свои мысли под звучными словами, что незнакомые с ними на опыте с трудом постигают вероломство их сердца и спасаются от обмана. Как люди подозрительные и сведасмые ревностью, они держат жен своих взаперти и следят за ними с такой заботливостью, что к ним с трудом могут являться их братья и родственники; им запрещено ходить в церкви, быть в процессиях, слушать спасительное наиздание Божественного слова и делать все, что относится к спасению души; они могут посещать церкви не более одного раза в году. Некоторые, однако, позволяют им ходить в баню три раза в неделю, но под строгим надзором. Самые богатые и знатные между ними, чтобы казаться еще христианами и несколько извинить себя, ставят алтари рядом с кроватью своих жен и приказывают читать для них обедню жалким кашемитам и священникам ничтожным и невежественным. Но чем более тесно заключены их жены, тем более они стараются при помощи всяких хитростей и выдумок пайти лазейку, чтобы обмануть мужей. Пельзя поверить, как научают их сирийские и сарацинские женщины колдовству, ухищрениям и мерзостям всякого рода. Сверх всего этого пулланы не только не оказывают признательности, но даже угнетают всеми способами пилигримов, которые приходят издалека, из стран самых отдаленных, с большими издержками, претерпев тысячи затруднений, как по благочестию, так и из желания оказать им помощь. Они предпочитают вечно коснеть в праздности и предаваться плотским наслаждениям, нежели нарушить перемирие с сарацинами и сражаться против них. Пулланы страшно обогащались, заставляя пилигримов платить неумеренные цены в их гостиницах, обманывая и разоряя их при продаже вещей и при сделках всякого рода, наконец, платя презрением и поднимая на смех этих слывшихся Христа, которые покинули родину из любви к нему; они преследовали их поруганиями и оскорблениями, называя западных пилигримов *сынами Герноды*, как будто бы они были глухие и бессмысленны... (пропуск в манускрипте), и обращались с упреками к тем, к которым должны были

чувствовать сострадание. Таковы, и еще хуже, извращенные злоба и злобная извращенность этих негодных людей, которые с радостью готовы на все худое, с восторгом совершают самые дурные поступки, и им на вечные времена уготована буря мрака. Они живут среди своих богатств, но скоро спустятся в преисподнюю ада. Но как мы проклинали злобу нечестивых, сообразно словам пророка: «Ужас овладел мной, когда я думал о нечестивых, оставивших наш закон»; и в другом месте: «Я ненавижу их всюю ненавистью, и они сделались моими врагами»; точно так же мы хвалим о Господе добрых людей, если таковые найдутся между ними. Пусть тот, кто прогневался на меня за сказанное, подумает, что тем самым он выдает себя и попадает в число тех, о которых я говорил.

Относительно тех, которые считаются уроженцами знаменитых городов Гетуи, Пизы, Венеции и других мест Италии, и которые живут теперь в Сирии, я замечу, что их отцы и предшественники, славя победая врагов Христа, стяжали бессмертное имя и вечный венец, но дети их были бы гораздо ужаснее для сарацин, если бы отказались от своей зависти и пепасытной корысти и не имели бы между собой бесконечных распрей и стычек. Но так как они борются и чаще и охотнее друг против друга, нежели против вероломного племени язычников, и так как они предаются более своим торговым сделкам, нежели войне за Христа, то они радуют тем наших врагов, которые некогда трепетали перед их предками, людьми воинственными и отважными.

В Палестине есть еще один класс людей, которые с древних времен населяли эту страну, живя под управлением различных властителей римлян, греков, латин и варваров, сарацин и христиан, — и перенося долгое время в различных формах иго рабства, они оставались рабами, платили всегда подать, предназначались своими господами для сельских работ и другой низшей службы, не ходили на войну и были неспособны к военному делу, подобно жепшипам, за исключением небольшого числа из тех, которые хотя не были вооружены и всегда изыскивали готовность к бегству, однако носили